

Памяти профессора Харальда Томазиуса (Германия)

24 ноября 2017 года в возрасте 88 лет ушел из жизни профессор Харальд Томазиус. Он родился 5 августа 1929 года в западно-саксонском городе Браунсдорф. В апреле 1944 года начал обучение лесному делу в лесном техникуме, который закончил уже в послевоенное время в ноябре 1946 года, успешно сдав все экзамены. Спустя год пребывания в качестве кандидата на должность лесничего в лесничестве Глаухау, Харальд Томазиус прошел годичное обучение в Тарандской лесной школе и после ее окончания получил должность лесничего в одном из лесничеств Саксонии.

В первые годы своей практической деятельности его заинтересовали два направления лесного хозяйства, актуальных на то время. Одно направление развивалось усилиями Германа Крутча и Йоханнеса Бланкмейстера – практическое устойчивое лесное хозяйство, и второе направление – тематическое лесное картографирование, разрабатываемое Эрнстом Эвальдом.

Эти два новых направления стали определяющими в его работе в лесничестве и существенно повлияли на его будущую научную деятельность.

С 1954 до 1958 гг. Харальд Томазиус учился на факультете лесного хозяйства в Дрезденском техническом институте в Тарандте, по окончании которого получил диплом специалиста лесного хозяйства. В его выпускной дипломной работе были обозначены направления его будущей научно-исследовательской деятельности: комплексная оценка процессов в лесу с использованием математических методов. С этого времени началась его научная карьера от ассистента института почвоведения и оценки земель – до доктора сельскохозяйственных наук. После защиты докторской диссертации в 1967 году он занял должность профессора кафедры лесоводства в Отделении лесного хозяйства Дрезденского технического университета.

Изучение основ лесного хозяйства с самых его азов, работа в лесу, получение среднетехнического и университетского образования, позволили ему обеспечить идеальные практические и теоретические предпосылки для открытия новых направлений в лесоводственной науке. Став преподавателем в Дрезденском техническом университете Харальд Томазиус полностью переработал и построил современную концепцию преподавания учебного курса по лесоводству. Его научная работа, яркие выступления на многочисленных научно-практических семинарах и конференциях, служебные командировки в лесничества по всем лесам ГДР обогатили теорию лесоводства.

Профессор Томазиус был известным ученым не только в Германии, но и далеко за ее пределами. Он был известен не только как теоретик, но и как практик лесоводства. Ему была присуща личная ответственность за те рекомендации и наставления, которые

внедрялись в практическое лесное хозяйство страны. Результаты его работы были востребованы во Вьетнаме, Кубе, Судане и Мексике, он читал лекции в лесных вузах России, Польши, Венгрии. В 1983 году он был удостоен почетной докторской степени Школы леса и лесоводства в Шопроне (Венгрия), многие годы являлся членом IUFRO и ProSylva. В 1980 г. Харальд Томазиус стал президентом «Общества природы и окружающей среды», созданного в рамках Культурного союза ГДР. Обладая превосходными профессиональными знаниями, он умел решать самые сложные вопросы, сближая интересы государства, лесной промышленности, многочисленных экологических движений.

Объединение двух Германий радикально изменило его жизнь. После клеветнических обвинений и личных разочарований в период событий, связанных со структурными политическими изменениями в начале 1990-х годов в Германии, Харальд Томазиус с глубоким сожалением весной 1992 г. принял решение покинуть стены Дрезденского технического университета, в котором проработал 33 года.

Под руководством профессора Томазиуса были защищены 32 диссертации, он был руководителем более 1000 выпускников Лесного отделения в Тарандте, которые сейчас работают во многих странах, воплощая его идеи в области лесоводства по всему миру, и реализуют их в лесной практике, им написано более 300 научно-методических публикаций в специальной лесохозяйственной литературе.

Профессор Альбрехт Бемманн.

Германия, Тарандт, 20 декабря 2017 г.

Перевод с немецкого профессоров В.Н. Петрова и А. Моосманна.

(Материал передан из Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета wladimirpetrov@mail.ru).

От редактора журнала «Эко-потенциал»

(воспоминания о дружбе с советскими немцами из Тарандта и советскими учёными из Прибалтики)

Мне приходилось плодотворно общаться с Харальдом Томазиусом в период работы в Казахском научно-исследовательском институте лесного хозяйства (1964-1985). Эти общения и обмен информацией были особенно ценны, если учесть имевшиеся тогда проблемы с информационным и методическим обеспечением в КазНИИЛХ, когда даже на выезд в командировку за пределы Казахстана требовалось разрешение Республиканского Министерства, а о выезде в командировку за рубеж речи вообще не возникало. Тем не менее, несмотря на все преграды, общение осуществлялось, во многом благодаря участию прибалтийских учёных, за что им особая благодарность. Воспоминания в связи с кончиной Харальда Томазиуса есть смысл изложить в контексте той уникальной ситуации, когда советские немцы в Тарандте и советские ученые в Прибалтике находились в одном информационном пространстве с учёными СССР. В период этой мимолётной в историческом масштабе, своеобразной «оттепели» общения происходили не только посредством переписки, обмена публикациями, встреч на многочисленных тогда конференциях, но и за рамками «официоза», в том числе в некоторых курьёзных ситуациях, как печальных, так и не очень....

В.А. Усольцев.

Как любое научное направление или открытие не возникает внезапно «на пустом месте» и всегда имеет более или менее длительный период дискурсивного наблюдения, так и формирование специалиста в науке происходит под влиянием тех или иных «научных маяков» в избранной области знаний, независимо от того, был ли официальный наставник у начинающего ученого или такового не было. Одни, наиболее успешные, по мере становления с благодарностью вспоминают своего учителя, другие

же, обычно менее успешные, объявляют себя учениками той или иной знаменитости, пытаясь таким образом поднять свой авторитет, а третьи полагают себя настолько самодостаточными, что не считают нужным быть кому-либо обязанными своим становлением. Впрочем, последнее относится не столько к понятию преемственности в науке, сколько к области корпоративной этики.

В реальности все обычно происходит гораздо сложнее и своеобразнее, и, наверное, есть масса случаев, когда человек не вписывается в эту упрощенную схему и идет в науке своим специфичным путем. К этой последней категории, по-видимому, можно отнести и меня, поскольку я никогда не имел официального научного руководителя. В конце 1960-х и начале 1970-х гг. в КазНИИЛХ (Северный Казахстан) кроме меня никто исследованиями биологической продуктивности лесов не занимался, к тому же по причине технического базового образования эти исследования с самого начала проводились мной на количественной основе, т.е. с применением математических методов обработки и представления результатов. Это создавало определенные трудности с получением и продвижением результатов, поскольку в то время, по образному выражению В. В. Кузьмичёва, у лесоведов старой, традиционной школы к количественным методам было такое же отношение, какое у большинства мужчин - к украшениям на женщине: «Если есть, то хорошо, а если вообще ничего нет, то еще лучше». Тема исследования была мне предложена директором КазНИИЛХ Сергеем Николаевичем Успенским, но по причине отсутствия специалистов этого направления руководителем был назначен один из администраторов.

В этих условиях неоценимую помощь мне, как аспиранту дневного обучения КазНИИЛХ, оказало общение с учёными Института лесохозяйственных проблем (ИЛХП) Академии наук ЛатвССР в Риге, впоследствии переведённого в Саласпилс и переименованного в НПО «Силава». Институт в то время занимался комплексом лесоводственных проблем, в том числе разработкой механизмов для рубок ухода и оценкой структуры фитомассы деревьев как предмета труда. Увидев в журнале «Лесное хозяйство» статью по моей теме, написанную сотрудником ИЛХП И.К. Иевинем, я отправился к последнему на консультацию. Этот 40-летний сотрудник ИЛХП оказался его директором и фактически стал моим неофициальным научным консультантом. Несмотря на естественную для директора занятость, Имант Карлович всегда находил время для бесед, причем не в институтской суете, а в его особняке на Лесной улице на окраине Риги. В ИЛХП я имел уникальную возможность ознакомления с современной научной литературой, издаваемой на Западе по теме моей диссертации, что в условиях Казахстана было тогда немыслимо. Имант Карлович оказывал мне методическую и моральную поддержку и принял активное участие в судьбе моей диссертации, всячески способствуя ее продвижению на защиту. Это было тогда довольно проблематично, поскольку в результате моего «самостоятельного научного поиска без руля и ветрил» тема диссертации оказалась на стыке нескольких научных направлений.

В 1983 году в Донецке состоялся VII-й делегатский съезд Всесоюзного ботанического общества, который вел академик А.Л. Тахтаджян. После виртуозного доклада заведующего кафедрой ботаники Латвийского госуниверситета, профессора Артура Мартыновича Мауриня, посвященного прикладным лесоводственным аспектам «органического» времени Бакмана, я подсел к нему в кулуарах на какую-то завалинку и попросил объяснить мне, в чем, на его взгляд, состоит разница между «органическим» временем Бакмана и «биологическим» временем японских «математизированных» лесоведов. «Сегодня существуют четыре концепции Времени», - незамедлительно отреагировал он и затем начал подробно, видимо, приняв меня за «коллегу-единомышленника», излагать суть каждой, а я, тогда с.н.с. периферийного Казахского НИИ лесного хозяйства, слушал, непроизвольно пропуская мимо ушей совершенно не-

доступные моему пониманию вещи, и, осознавая свое невежество, боготворил интеллект и эрудицию этого прибалтийского профессора-аристократа.

Позднее я узнал, что Артур Мартынович все молодые годы провел в Сибири, видимо, не по собственному желанию. Он был близко знаком с астрономом Н.А. Козыревым, создателем теории Времени как физического явления, и они регулярно общались на конференциях, организуемых кафедрой ботаники Латвийского госуниверситета по «темпоральным проблемам экологии» («Моделирование и прогнозирование в экологии, 1980»; «Моделирование и прогнозирование в биоэкологии, 1982»; «Темпоральные аспекты моделирования и прогнозирования в экологии, 1986»). Кстати, легендарные «зеркала Козырева», с помощью которых тот доказал возможность мгновенной передачи информации на любые космические пространства, нашли отражение в не менее легендарной истории о создании в 1937 году самолёта-невидимки Робертом Бартини - таинственным «красным бароном», конструктором фантастических для своего времени советских самолётов.

Благодаря Артуру Мартыновичу состоялось профессиональное знакомство с профессором Латвийского университета Имантом Яковлевичем Лиепой, в монографии которого (Лиела И.Я. Динамика древесных запасов: прогнозирование и экология. Рига: Зинатне, 1980. 170 с.) был реализован нетрадиционный подход к моделированию роста и прироста древостоев. С Иммантом Яковлевичем в 1985 и 1986 гг. были опубликованы две совместные статьи в «Вестнике сельскохозяйственной науки Казахстана», а в 1985 году на кафедре ботаники ЛатвГУ была заслушана моя докторская диссертация с последующей рекомендацией ее к защите. В этой связи Иммант Яковлевич вспомнил курьёзный случай при защите его докторской диссертации в Эстонии в 1975 году; произошло событие, наверное, единственное в истории советской и постсоветской науки. Собрался в полном составе диссертационный совет, приготовились слушать доклад диссертанта, а главного оппонента Тоомаса Фрея – нет. Стали выяснять, что случилось, и оказалось, что профессора Фрея накануне замели в вытрезвитель (с кем не бывает!). При вызволении профессора из заточения пришлось дойти чуть ли не до республиканского руководства, но благодаря общим усилиям, профессор был доставлен на заседание, и защита диссертации прошла блестяще.

1980-е гг. И.Я. Лиела выступает с докладом на конференции.

Ответный визит учёных ЛатвГУ в Казахстан состоялся в 1985 году в составе: профессор Лиела И.Я., с.н.с. Раман К.К. и их молодая помощница. Поехали по моим пробным площадям, заложенным в Аман-Карагайском бору в течение 1981-84 гг. совместно с И.С. Крепким. Последним пунктом вояжа был Басаманский лесхоз, и здесь произошла непредвиденная задержка. Оказалось, что в племенной коневодческий совхоз союзного подчинения, граничащий с лесхозом, прибыла группа ученых-скотоводов из Монголии для обмена опытом. В те годы в тех глухих местах одновременное появление зарубежных гостей, да еще из экзотических стран, никак не могло остаться не отмеченным в духе времени. У руководителей двух хозяйств специально для встреч особого уровня имелось в лесу совместное предприятие - «скромный охотничий домик», а фактически роскошное поместье, представленное большим банкетным коттеджем, биллиардным домиком, несколькими избушками-гостиницами и, конечно же,

саунами. Часть участников банкета была представлена аборигенами, пребывавшими в состоянии экзальтации от созерцания столь экзотических лиц: директор лесхоза А.С. Жирицкий представляет коллеге-коневоду своих гостей-латышей, а директор-коневод своему соседу – соответственно, гостей–монголов. Но и латыши были немало шокированы азиатской экзотикой, хотя и было у них некоторое разочарование, вызванное отсутствием верблюдов, на встречу с которыми они, направляясь в эти туземные края, очень рассчитывали. Но оказалось, что у коневода в стойлах содержались не только кони, но и верблюды. Учитывая специфичную застольную ситуацию, директор-коневод предложил вместо экскурсии к верблюдам попотчевать гостей верблюжьим шубатом, а заодно и кобыльим кумысом, за которыми тотчас был послан гонец. Эти экзотические напитки, как известно, вовсе не безалкогольные, в сочетании с коньяком сделали свое дело, и все участники застолья находились в состоянии полной эйфории. Удовольствие продолжилось в бильярдной избушке состязанием между представителями Европы и Азии и закончилось, естественно, в сауне. Там в полу зиял колодец, наполненный водой из артезианской скважины, а на воде покачивался термометр с показанием $+2^{\circ}\text{C}$. После 100-градусной сауны этот термометр никого из гостей не насторожил, даже напротив, и профессор Лиепа с возгласом: «Видали мы на холодном Рижском взморье и не такое!» - ринулся в этот колодец. Лучше бы он этого не делал: на другой день у профессора «горячка» зашкалила за 40°C , Жирицкий съездил куда-то за тридевять земель за врачом, тот оказался далеко не кудесником, температура не спадала, а в Риге предстояло какое-то национальное празднество, официально в СССР запрещённое, в связи с чем наши гости никак не могли допустить отсутствия на нём. Кончилось тем, что на скорой всех троих отвезли в кустанайский аэропорт, благополучно отгрузили, и они также благополучно были доставлены на родину. Позднее мои латышские коллеги признавались, что впечатления от поездки сохранились у них на всю оставшуюся жизнь.

Начиная с 1970-х годов, признанным в СССР центром по проблеме математического моделирования в лесных науках была кафедра лесной таксации Литовской сельскохозяйственной академии в Каунасе, возглавляемая профессором Вайдотасом Антанайтисом – учёным европейского уровня, тесно сотрудничавшим с учеными ГДР и Чехословакии. Кафедра располагалась в отдельном трёхэтажном особняке на опушке леса, верхний этаж которого занимали административные офисы, весь средний состоял из преподавательских рабочих кабинетов, оборудованных личной библиотекой, диваном-кроватью и шкафом для постельного белья, а внизу были гараж и сауна. Кафедра проводила регулярные общесоюзные конференции по математическому моделированию в лесном профиле, где мне посчастливилось неоднократно участвовать и общаться с ведущими учёными не только России и Прибалтики, но и ГДР. Там я познакомился с профессором Харальдом Томазиусом и доктором Гюнтером Венком из Тарандта, чьи изящные статьи с нетривиальными подходами были для меня образцовыми.

Тарандтская лесная школа, основанная в 1828 году, поставляла России будущих классиков русского лесоводства (Ф.Т. Кеппен, Ф.К. Арнольд) и была традиционным местом стажировок российских ученых-лесоводов (Г.Ф. Морозов, М.М. Орлов и др.). Традиционной особенностью Тарандтской лесной школы был поиск «чистых» закономерностей в росте и развитии древостоев, что было характерно и для научных поисков как Харальда Томазиуса, оптимизировавшего густоту древостоев в терминах их продуктивности (Thomasius H.O. Modell des gleichaltriges Reinbestandes // Wissenschaftliche Tagung der Sektion Forstwirtschaft. Tharandt, Technische Universität Dresden. Bd. II. 1978. S. 122-145; Thomasius H.O., Thomasius H.H. Ableitung eines Verfahrens zur Berechnung der ertragskundlich optimalen Bestandesdichte // Beiträge für die Forstwirtschaft. 1978. Bd. 12; Thomasius H.O., Hien N. Model of an even-aged pure stand, demonstrated and exemplified by the Markersbach pine spacing experiment. Technische Universität Dresden, Section

Forstwirtschaft. 1981. Prepr. Nr. 21-18-81), так и Гюнтера Венка, развившего функцию Гомпертца применительно к широкому спектру экологических условий роста древостоев (Wenk G. Ertragskundliche Grundlagen der Bestandesbehandlung. DDR; Tharandt: Bereich Forsteinrichtung und forstliche Ertragskunde, 1973a. 237 s.; Wenk G. Mathematische Formulierung von Wachstumsprozessen // Biom. Zeitschrift. 1973b. Bd. 15. S. 345-362).

1986 год. С Гюнтером Венком (он справа) в Вильнюсе.

В Тарандте издавались небольшие препринты в оригинальной синей обложке с «окошком», где лесоводы «столбили» возникающие идеи, и в них же можно было следить за «дружеской научной пикировкой» между Харальдом Томазиусом и Гюнтером Венком с взаимной критикой применяемых ими методов (Thomasius H.O. Einige Anmerkungen zur Zuwachspromille-Funktion von G. Wenk (1969). Technische Universität Dresden, Section Forstwirtschaft. 1977. Prepr. Nr. 21-14-77. 10 S.; Wenk G. Einige Gegenbemerkungen zur Kritik von Thomasius an der Zuwachspromillefunktion von Wenk. Technische Universität Dresden, Section Forstwirtschaft. 1978. Prepr. Nr. 21-03-78. 14 S.).

Во время одной из поездок в Литву рукопись моей первой монографии была оценена профессором В.В. Антанайтисом как докторская диссертация, и он впоследствии стал одним из моих оппонентов на защите в Киеве. При подготовке монографии «Учение о продуктивности лесов» (Wenk G., Antanaitis V., Šmelko Š. Waldertragslehre. Deutscher Landwirtschaftsverlag. Berlin GmbH, 1990. 448 S.) авторы включили в неё и один из разделов моей диссертации, посвященный моделированию предельной биологической продуктивности березовых древостоев.

Опубликовать монографию в те годы в Казахстане было невозможно, требовалась серьезная поддержка со стороны ведущих ученых для принятия рукописи в каком-нибудь центральном издательстве, и такую поддержку мне оказал Харальд Томазиус, будучи в то время директором Лесохозяйственной секции в Тарандте. Это случилось во время моей туристической поездки в ГДР в 1980 году. Мы встретились с Харальдом Томазиусом в Берлине, где он вручил мне свою превосходную рецензию на монографию, посвященную оценке биологической продуктивности березовых колочных лесов и, впрочем, добавил: «Вы, русские, слишком романтизируете и поэтизируете берёзу, а для нас эта порода - сорняк». В ходе той же поездки была ещё одна плодотворная встреча с учёным из Тарандта, инвалидом войны Фрицем Фидлером, который в то время, как и я, тоже занимался оценкой биологической продуктивности лесов в условиях ГДР (Fiedler F. Die Dendromasse eines hiebsreifen Fichtenbestandes // Beitr. Forstwirtschaft. 1986. N. 20. No 4. S. 171-180) и специально приехал пообщаться вместе с двумя своими коллегами ко мне в Оберсхоф в Тюрингии, где останавливалась наша делегация.

А потом наступили 1990-е годы, и произошел разлом. Структурные политические изменения, о которых выше упомянул профессор Альбрехт Бемманн, коснулись

не только судьбы Харальда Томазиуса, разлом произошёл во всей системе научных контактов наших ученых с коллегами из Прибалтики, Германии и не только. Так случилось, что я оказался свидетелем и невольным участником этого разлома в его преддверии в то время, когда в СССР об этом никто и подумать ещё не смел.

В 1989 году латвийское НПО «Силава» (бывший Институт лесохозяйственных проблем) было выбрано ИЮФРО местом очередного симпозиума (IUFRO Project Group P3.05-00 Meeting "Harvesting and Utilization of Tree Foliage"). Мой доклад был запланирован сразу после вступительного слова директора «Силавы» Иманта Иевиня. Я приехал на день раньше, пообщаться с Имантом Карловичем (после защиты моей кандидатской мы продолжали с ним тесно сотрудничать), а также с моим товарищем-сверстником из окружения Иевиня, Марисом Даугавиетисом, и был поселён в Саласпилсе в особняке для гостей. И чёрт меня дёрнул на другой день, официальный день заезда на Симпозиум, поехать в Ригу, поскольку в приглажительном письме, разосланном всем участникам накануне, был обещан прием и поселение всех именно там, в отеле «Рига». По составу участников примерно половина была из СССР, и я рассчитывал до начала Симпозиума пообщаться с приезжающими знакомыми коллегами из разных городов и республик.

Но что сделали латыши? Они посадили на входе в отель величественную даму, которая сортировала приезжающих на людей первого и последнего сорта. К первым она относилась североамериканцев, западных европейцев, южноамериканцев и, конечно же, представителей всех африканских племён, которых селила в отеле «Рига». К последним относились все "советские", которых она направляла в гостиницу-"клоповник" напротив железнодорожного вокзала. Прошёл и я этой тропой унижения, а там, в приённой «клоповника» молодые дамы, болтавшие между собой на чистом русском с московским прононсом, после обращения к ним вначале меня как бы вовсе не замечали, а потом заявили, что они якобы вовсе не слышали ни о каком симпозиуме. Это был уже перебор, и меня стало довольно сильно поколачивать. Чтобы снять стресс, сходил в баньку неподалёку, немного расслабился, успокоился. Вечером в Саласпилсе ко мне подошёл Марис Даугавиетис, он жил в особняке напротив, но подошёл не один, а с Альбрехтом Бемманном из ГДР-овского Тарандта, который был в Саласпилсе проездом из Питера. Тут я всё Марису и выложил, что накопилось за день. Сказал ему, что завтра, сразу после выступления Иманта Иевиня, я поднимусь на трибуну, там, вместо своего доклада, от имени всех "советских", прошедших этой тропой унижения, заявлю протест организаторам и покину зал заседания. И не исключено, что половина участников вслед за мной встанет и покинет Международный симпозиум. У Мариса буквально отвисла челюсть: "Это же мировой скандал!" - "А вы чем думали, Марис, когда организовывали эти шлепки по носу всем русским на мероприятии международного уровня?". Было видно, что Бемманну моя инициатива тоже не нравится, он явно был солидарен с латышами. После этого я сказал Марису, что, учитывая наши добрые многолетние отношения и всё доброе, что для меня сделал в своё время Иевинь, завтра я с первой электричкой покидаю Саласпилс, так сказать, «по-англицки». Что и сделал.

В 1990 году в Красноярске состоялась защита докторской диссертации сотрудника кафедры лесной таксации Литовской сельскохозяйственной академии Ромалдаса Юкниса. Он прибыл в окружении серьёзной группы поддержки, в составе которой был мой старый знакомый, сверстник-товарищ из окружения В.В. Антанайтиса в Каунасе Альбинас Тябера. На банкете я поведал ему о преподанном мне в Риге уроке «международного общения». В ответ Альбинас возмутился поведением латышей, а также моим компромиссным решением, возмутился тем, что я не довел до логического конца задуманное, что в ответ на явную политическую дискриминацию мне надо было довести до сведения всех участников Международного симпозиума о неблагоприятном поведении латышей.

Увы! После развала СССР Альбинас первым прервал наши контакты, естественно, прекратились все контакты и с Каунасом, и с Саласпилсом, и с Тарандтом. Профессор В.В. Антанайтис во главе латвийской группы в составе Верховного совета СССР устраивал демарши, демонстративно покидая зал заседаний. Профессор И.Я. Лиела при выборах первого президента Латвии выставил в числе троих претендентов и свою кандидатуру. В то время завоевать авторитет простому профессору у всего латвийского населения до такой степени, чтобы стать президентом, можно было лишь на почве русофобии. Правда, это лишь моё предположение. А потом, как известно, началось озвечение по отношению к России и в Европе, и особенно в Прибалтике. В Риге тогда была лишь первая ласточка предстоящих событий. Если профессор Харальд Томазиус, как и руководитель ГДР, Герой Советского Союза Эрих Хонеккер, подверглись обструкции со стороны новых властей, то бывшая комсомолка Ангела Меркель удачно вписалась в историческую европейскую традицию, возглавив «гибридную» войну Европы против России. Это озверение Запада имеет исторические корни, как отдалённые, так и совсем недавние, но это, как говорится, уже совсем другая история.

В.А. Усольцев.